

[Рец. на / Review of:] **Steven FRANKS. *Syntax and Spell-Out in Slavic***. Bloomington (IN): Slavica Publishers, 2017. xiv + 346 p. ISBN 978-0-89357-477-2.

Антон Владимирович Циммерлинг

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, Россия; Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия; Институт языкознания РАН, Москва, Россия; fagraey64@hotmail.com

Благодарности. Работа написана при поддержке проекта РНФ 18-18-00462 «Коммуникативно-синтаксический интерфейс: типология и грамматика», реализуемого в Государственном институте русского языка имени А. С. Пушкина. Я благодарю анонимного рецензента за ценные комментарии. Ответственность за все недочеты несет автор.

DOI: 10.31857/S0373658X0007552-6

Anton V. Zimmerling

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia; Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia; Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; fagraey64@hotmail.com

Acknowledgements: This paper has been written with support from the RSCI project 18-18-00462 “Communicative-syntax interface: typology and grammar” realized at Pushkin State Russian Language Institute. I am grateful to the anonymous reviewer for the valuable comments. The sole responsibility is on the author.

Монография известного американского слависта Стивена Фрэнкса посвящена актуальной проблеме современной теоретической лингвистики — границам применения синтаксического анализа и описанию линеаризации предложения в терминах просодико-синтаксического интерфейса. Преимущественное внимание уделяется южнославянским языкам, привлекаются также данные русского и польского языков. Параллели из других языков мира обсуждаются выборочно. Как пишет автор в предисловии, его книга задумывалась как вступление к очерку о параметрическом варьировании в южнославянском именном синтаксисе, который впоследствии разросся до размеров еще одной книги — [Franks, in progress], ныне находящейся в печати (с. xi). Полушута автор предлагает отнестись к рецензируемой книге как к компиляции статей, написанных им в период отпусков за последние три года, но тут же подчеркивает преемственность монографии и своих более ранних исследований. Фрэнкса по праву можно считать одним из пионеров параметрического описания — его книги «Параметры славянского морфосинтаксиса» [Franks 1995] и «Пособие по славянским клитикам» [Franks, King 2000] (в соавторстве с Т. Х. Кинг), а также статьи разных лет предлагают читателю окунуться в пространство возможностей синтаксиса и оценить модели, предсказывающие внутри- и межкузыковое варьирование.

Вводная глава (с. 1–30) демонстрирует быстрый переход от металингвистических и общенаучных соображений о когнитивных способностях человека и роли универсальной грамматики в процессах усвоения языка и варьировании параметров его структуры к узкоспециальным темам, таким как алгоритмы применения морфологических правил, различие между согласованием в числе и согласованием в роде и числе (с. 9), различие между слиянием элементов синтаксической и морфологической структуры (merger vs. fusion — с. 11). Первые страницы адресованы начинающим, в то время как дальнейшее заслуживает более подробного обсуждения принимаемых допущений и обзора альтернатив. Так, например, принимаемая Фрэнксом вслед за [Halle, Marantz 1993; Embick, Noyer 2007] идея распределения словарной информации по этапам применения морфологических правил, по существу — растворение словаря (lexicon) в грамматике, является далеко

не единственным подходом в пределах минималистской программы, ср. иные решения в [Ackema, Neeleman 2007]¹ и [Гращенков 2016]. Обширная литература, в том числе работы типологического плана, учитывающие факты разноструктурных языков мира, накоплена по проблеме разных типов согласования и синтаксического контроля, ср. [Baker 2008; Landau 2013]. Можно было бы сказать, что рецензируемая монография написана по образцу математических пособий, если бы математическая перспектива — обсуждение формальных грамматик и их способности распознавать структуры естественного языка, ср. [Stabler 1997], а также описание параметрического варьирования на материале корпусов текстов славянских языков — не была вынесена в ней за скобки.

Список безоговорочно принимаемых Фрэнком функциональных категорий (vP, AgrOP, CP, AgrSP) выглядит консервативно. Автор выступает и против картографии предложения (ср. гипотезу Л. Рицци о разветвленной структуре левой периферии [Rizzi 1997]), и против признания проекции детерминатора (DP, в иных терминах — именной группы полной структуры) универсалией, возражая против анализа, намеченного в [Abney 1987] и развернутого на славянском материале в [Pereltsvaig 2006; 2007]: стоит отметить, что именно Фрэнк одним из первых применил DP-гипотезу к материалу русского языка [Franks 1995: 93–123]. В данной книге Фрэнк присоединяется к спорной точке зрения Ж. Бошковича [Bošković 2005], согласно которой возможность скремблинга (свободного порядка) аргументов в таких языках, как сербохорватский и русский, объясняется отсутствием проекции DP. Для оценки продуктивности предлагавшихся решений стоит отделить проблемы формализма — ср. обсуждение преимуществ анализа в терминах DP для описания славянских и тюркских языков в [Pereltsvaig et al. 2018; Lyutikova 2017] — от перспективы эмпирического доказательства наличия именных групп полной структуры в безартиклевых языках. Если DP — это особый морфосинтаксический статус, который именные группы получают в аргументных позициях (т. е. позициях подлежащего и дополнений), а в неаргументных позициях (например, в составе сказуемого или адьюнктов) реализуются именные группы неполной структуры [Longobardi 2001]², представляется вероятным, что именные группы могут проявлять неидентичные свойства (морфологический падеж, контроль согласования, подверженность инверсии, возможность извлечения синтаксических элементов) в аргументных и неаргументных позициях в более широком классе языков мира, нежели языки с артиклями. В противном случае DP оказывается конструктом, введенным в универсальную грамматику ради объяснения специфики абсолютного меньшинства языков мира.

Вторая глава рецензируемой книги, озаглавленная «Movement and Multiattachment», содержит критику понятия перемещения (movement) как направленной трансформации, преобразующей исходный линейный порядок. Фрэнк утверждает, что «перемещение» — не более, чем метафора построения дерева предложения (с. 48), в раннем генеративизме, включая работы Н. Хомского, ее понимали слишком буквально (с. 33). Допущение о строгой цикличности, согласно которому дальние перемещения в комплексе клауз осуществляются пошагово снизу вверх, благодаря промежуточным позициям в начале каждой клаузы (см. (1)), слишком обязывающее. Но факты, для объяснения которых была предложена гипотеза строгой цикличности, нуждаются в истолковании. Наиболее интересными из них Фрэнк признает классические примеры предикатной инверсии (T-to-C movement) в зависимых клаузах испанского языка, указанные Э. Торрего в 1980-е гг., ср. (2), и сопоставимые с ними примеры вставки служебного глагола при порядке Comp — Aux — Sub в белфастском варианте английского языка [Henry 1995], ср. (3).

¹ Статья П. Аккемы и А. Неелемана опубликована в той же книге *The Oxford handbook of linguistic interfaces* [Ramchand, Weiss (eds.) 2007], что и статья Д. Эмбика и Р. Нойера, с подходом которых Фрэнк солидаризуется.

² В [Лютикова 2018] утверждается, что именные группы неполной структуры в русском языке и тюркских языках возможны также в аргументных позициях.

- (1) Английский
 [CP **Which boy** [IP does Julia think [CP *which boy*] (that) [TP David met *which boy* in kindergarten]]]?³
 ‘Какого мальчика, думает Джулия, Дэвид встретил в детском саду?’
- (2) Испанский
 [CP1 **Qué pensaba** (V) Juan (Sub) [CP2 *qué que le=había dicho* (V') Pedro (Sub) [CP3 *qué que había publicado* (V') la revista (Sub) **qué**]]]?
 Букв. ‘Что думал Хуан, что сказал ему Педро, что опубликовал этот журнал?’
- (3) Английский, диал.
 [CP1 **Who** [C1 *did*] [TP1 John (Sub) say [CP2 *who* [C2 *did*] [TP2 Mary (Sub) claim [CP3 *who* [C3 *had*] [TP3 John(Sub) feared [CP4 *who* [C4 *would*] [TP4 Bill (Sub) attack *who*]]]]]]]]]?
 Букв. ‘Кто, сказал Джон, кто, утверждала Мэри, кто, боялся Джон, на кого нападет Билл?’

В ту же группу Фрэнкс помещает случаи реализации согласования с вопросительным словом в языках килега (группа банту, семья нигер-конго) и оджибве (алгонкинская группа, алгская семья), данные последнего цитируются им по работе [Lochbihler, Mathieu 2013].

- (4) Оджибве
 [CP Aniish Bill **gaa-** eneendang [*aniish* John **gaa-**
 что Билл вопр.прш думать Джон вопр.прш
 kedat [*aniish* Mary **gaa-** giishnedot **aniish**]]]?
 говорить Мэри вопр.прш покупать
 Букв. ‘Что, думает Билл, сказал Джон, что купила Мэри?’

Заметим, что инверсии типа (2) можно объяснять и в ином контексте, без постулатов о циклическом перемещении. Они напоминают преобразования порядков с проклизой и энклизой в таких языках с клитиками уровня VP, как европейский португальский [Rouveret 1999] или раннее койнэ [Кисилиер 2011]. Здесь исходный порядок может меняться на производный (V = CL ⇒ CL = V) при наличии некоторого контекстного фактора, (5). Ср. также правила преобразований порядков CL2 (XP — CL) и CL3 (XP — [Y] — CL) в языках с клитиками второй позиции типа сербохорватского, где производный порядок XP — V — CL блокируется при наличии дополнительного контекстного фактора, что восстанавливает исходный порядок XP — CL, см. [Ćavar, Wilder 1999; Циммерлинг 2013: 458–462].

- (5) Европейский португальский
 a. O José ofereceu=о ontem.
 Жозе передал=это вчера
 b. que O José o=ofereceu ontem.
 что Жозе это-передал вчера

Кроме того, извлечения вопросительных слов из глубоко вложенной клаузы в (1) и связанные с ними конструкции (2) и (3) не кажутся прототипическими случаями перемещения. Внимание, уделяемое им в генеративном синтаксисе, объясняется тем, что они допустимы в языках с фиксированным порядком слов типа английского, где блокируется или сильно ограничивается большинство перемещений уровня клаузы (инверсия подлежащего и дополнений, инверсия финитного глагола и подлежащего в пределах одного и того же типа

³ Выделение особым шрифтом типа *which boy* в рецензируемой книге используется для указания на промежуточную позицию перемещенного элемента, зачеркивание типа *which boy* — на его исходную позицию, а выделение полужирным типа **which boy** — на конечную позицию, где перемещенный элемент “озвучивается”.

клауз и т. д.)⁴. Фрэнкс частично признает это сам, отмечая (с. 53–63), что примеры типа (1)–(4) с т. н. промежуточным перемещением (*intermediate movement*) возможны потому, что извлекаемый из вложенной клаузы элемент на новом месте вступает в грамматически правильные отношения со своим окружением. Тем самым, перемещение в обозначенном понимании — интерфейсное явление, связанное с озвучиванием синтаксической структуры (*spell-out*). Ранняя версия данного подхода, известная как модель стирания копий (*copy-and-delete theory of movement*) [Bošković, Nunes 2007] и отстаивавшаяся в [Franks 2008], в ряде мест (с. 43–45, 79–80) критикуется. Термин «копия» в значении ‘одно из вхождений элемента в синтаксическую структуру’, тем не менее, используется для описания случаев типа (6а), где одновременно озвучены и верхняя (относящаяся к вышестоящей клаузе), и нижняя копия. Неграмматичность (6б) в том же идиоме автор объясняет тем, что озвучивание копий связано с позициями, которые не замещаются полными группами. Поэтому одиночное вопросительное местоимение (*non-branching category*, т. е. элемент, который не может быть развернут в группу) нем. *wen* ‘кого’ допустимо в позиции, где невозможна группа вопросительного слова нем. *welchen Mann* ‘которого человека’.

(6) РАЗГОВОРНЫЙ НЕМЕЦКИЙ

- а. [_{CP} **Wen**₃ glaubt Hans [_{CP} **wen**₂ [_{TP} Jakob **wen**₁ gesehen hat]]]?

‘Кого, по мнению Ханса, увидел Якоб?’ (букв. «Кого, думает Ханс, кого Якоб увидел?»).

- б. [_{CP} **Welchen Mann**₃ glaubt Hans [_{CP} (***welchen Mann**₂) [_{TP} Jakob **welchen Mann**₁ gesehen hat]]]?

‘Какого человека, по мнению Ханса, увидел Якоб?’

Новая модель перемещения Фрэнкса названа термином *multiattachment*, букв. «множественное вложение». Ее отличие от модели *copy-and-delete* сводится к следующему. При анализе в терминах *copy-and-delete* за основу берется самое нижнее вхождение элемента, который затем копируется в вышестоящие фрагменты синтаксической структуры. При анализе в терминах *multiattachment* все вхождения признаются базовыми, т. е. отрицается односторонность перемещения. Технические детали приведены на с. 72–74 рецензируемой книги. Попутно Фрэнкс делает напрашивающиеся при избранных посылках выводы о том, что скрытые перемещения (перемещения на уровне логической формы, *LF-movement*) не являются перемещениями вообще, а островные ограничения (*islands*), т. е. запреты на извлечение элементов, — феномен интерфейса (*spell-out*), а не часть собственно синтаксиса (с. 66). Предложенная модель возвращается к традиционной грамматике, где реализация синтаксической структуры при разном порядке слов не считается аномалией, ср. [Ковтунова 1976: 146–150], но оставляет известное неудовлетворение. Сам автор поясняет, что понимает передвижение как компьютерную метафору высвечивания участка дерева (с. 49), но не проясняет математический смысл этой метафоры.

Глава 3, «*Pronunciation and the mapping of PF*», продолжает предыдущую, но отличается от нее большей долей примеров из славянских языков (преобладают конструкции с выносом вопросительных слов) и тезисом о том, что озвучивание синтаксической структуры (*spell-out*) изоморфно эллипсису, т. е. ее сворачиванию. За последние десятилетия

⁴ Анонимный рецензент замечает, что дальние передвижения и их цикличность подтверждаются не только и не столько порядком слов и возможным согласованием/озвучиванием промежуточных копий, но в первую очередь тем, что возникают эффекты нахождения передвинувшейся составляющей во всех позициях — базовой, промежуточной и производной, — выявляемые в анафорических отношениях, связывании переменных квантором и в падежных характеристиках. С нашей точки зрения, все упомянутые эффекты диагностируются при теоретически нейтральном описании (каковым анализ Фрэнкса не является) только в том случае, если им сопутствует некоторый поверхностный (касающийся озвучивания, в терминах Фрэнкса) эффект вроде наблюдаемого порядка слов или возможного согласования передвинутых копий.

накоплена обширная литература, посвященная разным типам эллипсиса, при этом не все лингвисты разделяют уверенность автора рецензируемой книги в том, что эллипсис является операцией, сохраняющей исходную структуру, ср. [Barton, Progovac 2005; Jacobson 2016]. Из нетривиальных случаев, имеющих историю обсуждения, можно привести цитируемые Фрэнком вслед за С. Стjepанович [Stjepanović 1998] примеры эллипсиса клитик в сербохорватском языке. При эллипсисе предложений с цепочкой из кластеризуемых клитик обычно повторяется начальная или несколько начальных клитик цепочки (7b–c), в соответствии с правилом рангов клитик, т. е. алгоритмом их внутреннего упорядочения (7a). Пропуск клитики в сокращенном фрагменте невозможен, если данная клитика выражена во фразе-антецеденте (7d). Для связочной клитики 3 л. ед. ч. *=je* правило рангов нарушается, поскольку данная клитика стоит не перед кластеризуемыми местоимениями, а после них, в позиции AUX2, в нотации [Zimmerling, Kosta 2013], в то время как клитики 1–2 л., а также 3 л. мн. ч. стоят в позиции AUX1, ср. (8a–b).

(7) СЕРБОХОРВАТСКИЙ

a. [CIP [AUX1] [PRON] [AUX2]]

b. Mi=*smo*=*mu*=*ga* dali, a i vi=*ste*=*mu*=*ga* *dali* (takode).

‘Мы дали ему это, и вы тоже’.

c. Mi=*smo*=*mu*=*ga* dali, a i vi=*ste*=*mu*=*ga* *dali* (takode).

d. * Mi=*smo*=*mu*=*ga* dali, a i vi=*ste*=*mu*=*ga* *dali* (takode).

(8) a. Oni=*su*=*mi*=*ga* dali, a i ona=*je*=*je* *dali* (takode).

‘Они дали мне это, и она тоже’.

b. Ona=*je*=*je* *dali*.

‘Она дала мне это’.

В таких примерах индексация согласовательного показателя (лицо и число) в сокращенном фрагменте является более важным фактором, чем сохранение исходного порядка фразы-антецедента. Вариативное воспроизведение цепочки клитик в эллиптических контекстах типа (7b–c), (8b) само по себе не является доводом ни за, ни против признания цепочки аналогом синтаксической группы, поскольку эллипсису подвергается более широкий участок, включающий форму лексического глагола *dali* в приведенных примерах. Неочевидно также, имеет ли эллиптический фрагмент структуру предложения (что предполагает Фрэнкс), или же структуру составляющей меньше предложения.

Две последние главы посвящены синтаксису и комбинаторике клитик. В начале главы 4, озаглавленной «The pronunciation of clitics», автор комментирует понятия просодической и синтаксической дефектности (prosodic and syntactic deficiency), добавляя к этому стандартному для определения клитик набору постулат о семантической дефектности клитик (с. 154). Вслед за этим он переходит к проблеме разрыва клитиками начальной составляющей. Соответствующий раздел (с. 161–181) назван «Splitting», хотя этот термин с не меньшим основанием приложим к другому явлению — дистантному расположению самих кластеризуемых клитик, возникающему при выносе одной из них за пределы первого фонетического слова. Иногда разрывы обоих типов — и начальной составляющей, и цепочки клитик — сопутствуют друг другу, хотя в общем случае это необязательно. Ср. ст.-русс. *Такову __и=еси запись Некрасу на свою отчину дал=ли?* ‘Давал ли ты Некрасу такую запись на свою отчину?’ (1561 г.), при исходном порядке *=ли=еси*⁵. На аналогичные примеры в древнерусском языке

⁵ Здесь и далее подчеркиванием в цитируемых предложениях с клитиками выделяется глагольная форма. Порядок, при котором энклитики присоединяются к неначальному глаголу (... V = CL) в славянских языках, в т. ч. — в обсуждаемых С. Фрэнком балканских славянских языках, часто возникает в результате действия особых трансформационных правил. Там, где это релевантно,

еще в 1990-е гг. указал А. А. Зализняк [1993: 288]. К сожалению, в своем обзоре Фрэнкс ограничивается обсуждением литературного сербохорватского языка, не упоминая ни его региональные варианты, ни другие современные идиомы, где сохраняется вариативный принцип вставки кластеризуемых клитик после первого фонетического слова или первой полной составляющей — лужицкие языки, карпатские украинские диалекты [Толстая 2012], — ни древние славянские языки [Циммерлинг 2013: 369, 481–483]. В разделе о поздней вставке клитик (*delayed clitic placement*) — явлении, когда клитики второй позиции ставятся после непервой составляющей, автор объясняет пропуск потенциальных словоформ — хозяев клитик просодией (с. 182–187), не упоминая отмеченные Д. Чаваром и К. Вилдером и другими авторами регулярные случаи выноса глагола на второе место от начала клаузы, когда производный порядок XP — [V — CL] возникает в языке с базовым порядком XP — CL за счет перемещения глагола в позицию, непосредственно предшествующую клитикам [Čavar, Wilder 1999: 453; Zimmerling, Kosta 2013; Циммерлинг 2013: 458], см. (9) и (10).

(9) СЛОВАЦКИЙ

[_{NP} Neobyčajne pekná jeseň] (1) *chýlila* (2) =*sa* (3) *ku koncu*.
‘Необычайно красивая осень (1) приближала (2)=сь (3) к концу’.

(10) ХОРВАТСКИЙ

a. [_{CP} Čim=su=ga organizirali] (1) *bio* (2) =*je* (3) *zabranen*.
‘Как только они его организовали (1), был (2) он запрещен’.

b. [_{CoP} Ženja i ja] (1) *živjeli* (2) =*smo* (3) *blizu*.
‘Женя и я (1) жили (2) рядом’.

Такого рода примеры трудно объяснить несинтаксически, поскольку сербохорватский и словацкий языки при базовом порядке XP — CL не требуют контактной позиции глагола и клитик, она возникает именно при поздней вставке клитик.

Отдельный раздел посвящен порядкам с вопросительной частицей =*ли* в болгарском и македонском языках. Фрэнкс постулирует для них один и тот же синтаксис, на который в болгарском языке накладывается несинтаксическое ограничение, т. н. закон Тоблера — Мусафии, ввиду которого болгарские клитики, в отличие от македонских, не могут выноситься в начало клаузы: болг. *Показвала=си=му=ги* ‘Ты их ему показывала’, **Си=му=ги показвала*, при мак. *Си=му=ги показвала*, **Показвала=си=му=ги*. Такое решение возможно, но оно не объясняет тот факт, что македонские клитики обнаруживают разные свойства в глагольных и именных клаузах⁶. Впрочем, в данном разделе Фрэнкса волнует иная проблема — он стремится объяснить, почему славянская частица =*ли*, оператор *да-нет-вопроса*, вынесена в начало цепочки и предшествует местоименным и связочным клитикам. Он приходит к выводу, что по своим структурным свойствам *ли* — элемент левой периферии, который должен начинать клаузу по принципу синтаксиса, известному как Аксиома линейного соответствия Кейна. Однако по закону Тоблера — Мусафии, действующему для частицы *ли* во всех славянских языках, она помещается на второе место от начала предложения (после первого фонетического слова или первой полной группы, в зависимости от языка). Это дает порядок **Ли в этот город ты ездил* ⇒ *В этот ли город ты ездил* для русского языка (с. 195). В болгарском и македонском блоки связочных и местоименных клитик присоединяются к *ли* справа на дальнейшей стадии деривации (с. 197).

количество синтаксических групп, предшествующих клитикам, обозначается цифрой. Ср., записать хрв. ‘[Ženja i ja] (1) *živjeli* (2) =*smo* (3) *blizu*’, из которой видно, что в данном предложении клитика *smo* стоит после двух синтаксических элементов, причем вторым из них является глагольная форма *živjeli*.

⁶ В последних македонские клитики дат. п. и связка 3 л. ед. ч. ведут себя как строгие энклитики и подчиняются закону Тоблера — Мусафии: мак. *Роденден=му=е утре* ‘Его день рождения — завтра’ ~ *Утре=му=е роденден* ‘Завтра — его день рождения’, **Му=е роденден утре* [Mišeska Tomić 2004: 226].

Терминология Фрэнкса для русскоязычных читателей непривычна, но его объяснение ясно: он утверждает, что порядок клитик синтаксически значим и отражает некоторую иерархию функциональных категорий, где операторные слова вроде *ли* имеют приоритет над показателями падежа и согласования. Сходный анализ места частицы *ли* в отрицательных клаузах старославянского и древнерусского языка дали А. А. Зализняк и Е. В. Падучева, которые опираются на понятие сферы действия операторов. Сфера действия оператора *да-нет-вопроса*, частицы *ли*, шире сферы действия общего отрицания *не*, но из-за просодических свойств *ли*, которое не может начинать клаузу и непосредственно примыкать к *не* в древнерусском языке, последовательность «[*ли* [*не*...]] по просодическим причинам преобразуется в *#не=ли*, и далее — в *не* [Y]=*ли*, где Y — фонетический хозяин энклитики *=ли* [Зализняк, Падучева 2013: 297]. Для оценки модели Фрэнкса важен еще один факт, который он в рецензируемой книге не упоминает. В древних славянских языках, помимо *ли*, как показал А. А. Зализняк, были и другие кластеризуемые частицы — *же*, *бо*, *ти*₁ ‘действительно’, *бы*. Все они предшествовали местоименным и связочным клитикам и могли комбинироваться друг с другом в разных сочетаниях, ср. [Зализняк 2008: 28–38] для древнерусского и [Zimmerling 2014: 401] для древнечешского языка. Возникает вопрос, будут ли они вводиться в модели Фрэнкса единым блоком, или поэтапно, каждый раз — с опорой на Аксиому линейного соответствия, т. е. фактически — на правило рангов самих клитик⁷.

В конце 4-й главы в рубрике «Парадокс Бошковича» обсуждается наблюдение названного коллеги над комбинаторикой частицы *ли* в болгарском языке. Болг. *ли* не может стоять после топикального элемента, поэтому фраза болг. *Колата=ли продаде Петко* может значить лишь ‘Машину ли продал Петко?’ (при т. н. узком фокусе, в иных терминах — частном модальном вопросе⁸), но не *‘Относительно машины — продал ли ее Петко?’. Запрещен также местоименный повтор, т. е. индексация топикальной ИГ местоименной клитикой при контактном порядке ИГ и индекса, см. (11a–b). Единственный выход состоит в поздней постановке *ли* при порядке XP — V — CL, см. (11c).

(11) Болгарский

- а. **Колата_i=ли=я_i продаде Петко?*
Букв. «Машину_i ли ее_i продал Петко?»
- б. **Колата_i=я_i продаде=ли Петко?*
Букв. «Машину_i ее_i продал ли Петко?»
- с. *Колата_i, продаде ли=я_i Петко?*
Букв. «Машина_i, продал ли ее_i Петко?»

В отличие от Фрэнкса, рецензент считает данные ограничения предсказуемыми, так как топикальные группы имеют свойство выступать в качестве т. н. барьеров [Зализняк 1993: 288] и отодвигать клитики на шаг вправо в языках мира с законом Ваккернагеля

⁷ Анонимный рецензент замечает, что ответ на этот вопрос зависит от того, в какой степени правило рангов изоморфно сфере действия кластеризуемых клитик. Если изоморфизм есть, то подход, принятый для частицы *=ли*, может быть распространен и на другие энклитики; если нет, следует признать «шаблонный» (templatic) формат кластера. Как нам представляется, при стабильности самого правила рангов клитик оно будет изоморфно сфере действия кластеризуемых клитик при том условии, что те клитики, которые являются операторными словами (ср. др.-русс. *ли*, *же*, *бо*, *ти*₁ ‘действительно’, *бы*), размещаются в правиле рангов перед прочими клитиками, включая аргументные и рефлексивные местоимения и связки. В болгарском языке других кластеризуемых клитик, кроме *ли*, нет.

⁸ Болгарские предложения типа *Колата ли продаде Петко* могут также, чего С. Фрэнкс в рецензируемой книге не упоминает, выражать и полный модальный вопрос (= значение широкого фокуса, в иной терминологии) в специальном контексте ‘произошло ли *p* или *q*’. Ср. *Колата ли продаде, в добра физическа форма ли иска да бъде — но започна да кара колело* ‘Машину ли он продал, тренировки ли начал, но он стал ездить на велосипеде’.

[Циммерлинг 2012: 20–22]. Связь болг. *ли* со значениями ремы и контраста известна [Иванова, Градинарова 2015: 522–526]. Автор книги ищет дополнительную причину, почему топиальная группа не присоединяет *ли*⁹. Сошлемся на соображение, приведенное в [Zimmerling, Kosta 2013: 205–207]. В славянских языках начальный коммуникативный барьер действует вообще на все типы клитик (не только *ли*), создавая производный порядок XP — [V — CL] с глаголом на втором месте от начала клаузы и постпозитивной клитикой, ср. др.-русск. {^{Торіс} *в недоборехъ*} // *плати=ми=са животиною* ‘<пусть сборщик податей> в недоборах расплачивается со мной скотом’ (новгородская грамота № 463, XIV в.). В болгарских невопросительных клаузах этот механизм реализоваться не может, так как в них грамматизирована контактная препозиция клитик глаголу при порядке XP — [CL — V], ср. болг. *Петко* [—я *продаде*] *вчера* ‘Петко *продал* её вчера’, **Петко=я вчера продаде*. Единственным типом ограниченных клауз, где топиальный барьер возможен, оказываются вопросительные клаузы с *ли*, где клитика пропускает начальную топиальную группу и присоединяется к первой части ремы, т. е. к глаголу¹⁰.

Название последней, пятой, главы, может быть передано по-русски как «Приложение. Два южнославянских этюда». Она посвящена двум параметрам морфосинтаксиса — особенностям поведения связки 3 л. ед. ч. *је* и «ограничению лица и падежа» (Person-Case-Constraint). Данная глава является самой специальной и самой интересной; степень подробности изложения соответствует сложности проблемы. Фрэнкс использует весь репертуар объяснений, представленных им в главах I–IV. Он выступает за поэтапное порождение цепочек и объясняет последнее место связки *је* в цепочках клитик балканских славянских языков тем, что *је* порождается ниже всего, в позиции T⁰ (с. 224). Рассматриваются контексты, где связочные формы могут нести ударение в разговорном болгарском языке (с. 229–233), а также связь просодической долготы с опущением клитик (с. 245–249). Упоминается контраст в поведении связочных клитик в сербохорватском и словенском языках (с. 250–257). Вторая часть главы посвящена ограничениям на совместную реализацию клитик, представляющих разные формы категорий лица и падежа. Т. н. сильное ограничение лица и падежа (Strong Person-Case-Constraint) формулируется так: при контактном порядке¹¹ слабоударных форм прямого и косвенного дополнений прямое дополнение должно стоять в 3 л. Литературный болгарский язык соблюдает данное ограничение, поэтому предложение **Показват=му=те*, подр. ‘Они показывают ему тебя’ невозможно (с. 263). То же ограничение действует в словенском языке (с. 267). В сербохорватском языке ограничения на порядок клитик соответствуют иерархии граммем лица, фразы типа сербохорв. ^{??}*Toplo=ti=me preporiđuje*, подр. ‘Он(а) тепло тебе меня рекомендовал(а)’ неудачны в силу того, что клитика 1 л. *те* ‘меня’ иерархически выше клитики 2 л. *ti* ‘тебе’ (с. 271). В болгарском языке ситуация иная, поскольку в цепочке из двух местоимений — здесь Фрэнкс опирается на оценки Б. Харизанова [Harizanov 2014] — второе местоимение не может стоять в 1–2 л. (с. 284). Эти ограничения на линейную комбинаторику клитик Фрэнкс на с. 300–303 трактует *at face value* как прямое отражение иерархии функциональных категорий AGR (согласование), PERS (лицо) и Case (синтаксический падеж).

Доверие линейному порядку похвально, но при избранном подходе оно оборачивается готовностью вводить разные иерархии для случаев, где клитика дат. п. предшествует клитике

⁹ “...there must therefore be an independent reason why the topic cannot host *li*” (с. 207).

¹⁰ Порядок с барьером и перемещением глагола (XP — V — *ли*) связан в болгарском языке с полным модальным вопросом. При частном модальном вопросе *ли* стоит после неглагольного элемента, имеющего статус ремы: болг. *Петко колата=ли продаде?* ‘Петко *машину*=ли *продал*? <был ли объект продажи именно машиной?>’. Обзор случаев употребления болг. *ли* см. в [Иванова, Градинарова 2015: 65–66; Иванова 2016: 310, 323].

¹¹ В силу особенностей морфосинтаксиса современного болгарского языка данное ограничение проверяется только при контактном порядке местоименных клитик, так как дистантный порядок клитик прямого и косвенного дополнений не допускается.

вин. п., и наоборот. Такая практика вступает в противоречие с другим принципом описания клитик — признанием идиосинкратичности их расположения, невыводимости шаблонов расположения клитик (clitic-internal ordering, правил рангов, в терминах [Зализняк 1993; 2008]) из правил синтаксиса, действующих для других категорий предложения. Проверка анализа Фрэнкса затрудняется двумя обстоятельствами. Во-первых, правила рангов клитик, где все показатели формы 3 л. предшествуют всем показателям 1–2 л., возможны, но пока не засвидетельствованы в языках мира¹². Во-вторых, во всех славянских языках древнего и нового времени все старые (общеславянские) нерелексивные местоименные клитики дат. п. (ст.-слав. и др.-русс. *ми*, *ти*₂, *ны*_{DAT}, *вы*_{DAT}, *на*_{DAT}, *ва*_{DAT}) предшествуют в цепочке всем старым нерелексивным местоименным клитикам вин. п. (ст.-слав. и др.-русс. *ма*, *та*, *на*_{ACC}, *ва*_{ACC}, *и*, *ю*, *ю*, *ю*, *ю*, *ю*). Не являются исключением и описанные У. Брауном правила рангов бургенландского хорватского языка и русинского языка Воеводины, где выделенное положение клитик 1–2 л. вин. п. (в бургенландском хорватском) и 2 л. ед. ч. дат. п. (в русинском Воеводины) проявляется лишь по отношению к позиции рефлексивной клитики, а не аргументной клитики в другом падеже [Браун 2008], ср. [Циммерлинг 2013: 331]. Тем самым, иерархии «1–2 л. > 3 л. и аргументный датив > аргументный аккузатив» служат диахронической константой славянских языков, они не менялись на протяжении последней тысячи лет. Устранение нежелательных комбинаций типа серб.-хорв. *??=ti=me* ‘тебе меня’, болг. *??=ви=ни* ‘вам нас’, где вторая клитика стоит в иерархии лица выше, чем первая¹³, является естественным следствием поддержания системы дублетных местоименных форм, где полноударные местоимения используются в контекстах, недоступных клитикам. Упомянутые Фрэнксом спорадические колебания в порядке клитик 3 л. в словенском — слвн. *Gospa=mu*_{DAT}=*ga*_{ACC}=*je opisala* ~ *Gospa ga*_{ACC}=*mu*_{DAT}=*je opisala* ‘Дама описала ему его / его ему’ (с. 268)¹⁴ — тоже имеют диахроническое объяснение. Формы типа 3 л. ед. ч. дат. п. м. р. *ти* < *јети*, 3 л. ед. ч. вин. п. м. р. *га* < *јег* стали клитиками в поздний период истории южно- и западнославянских языков. Перестановки *ти га* ~ *га ти* отражают исконный статус этих форм как слабоударных местоимений. Запрет на порядок *=га=ти* в литературных южнославянских языках знаменует унификацию иерархии падежа, когда все клитики дат. п., независимо от своего происхождения, упорядочиваются одинаково.

Мы заключаем, что рецензируемая книга может рассматриваться как введение в проблематику просодико-синтаксического интерфейса, но написана в формате, который не позволяет считать ее справочным ресурсом в той же мере, в какой [Franks 1995] было пособием по морфосинтаксису падежа и согласования, а [Franks, King 2000] — путеводителем по славянским клитикам. Изложение аспектировано, автор сосредоточил свое внимание на материале трех-четырех литературных славянских языков, данные диахронии и типологическая перспектива остались за кадром. Отстаиваемые Фрэнксом модели имеют параллели. Но это не значит, что они вторичны. Ценность книги именно в том, что она написана большим ученым, который в последние десятилетия активно формирует облик современной теоретической грамматики и задает стандарт описания славянских языков в генеративном синтаксисе.

¹² Такое правило рангов может возникнуть либо при левом ветвлении и кластеризации проклитик, что само по себе является более редким случаем, чем кластеризация энклитик, либо при задержке с кластеризацией показателей 1–2 л. по сравнению с показателями 3 л., что тоже нетипично для языков мира, поскольку формы 3 л. часто имеют нулевой показатель, а обратная ситуация — отсутствие показателя 1–2 л. при ненулевом показателе 3 л. — аномальна.

¹³ Анонимный рецензент справедливо отмечает, что иерархия форм лица в разных языках может реализоваться как в варианте 1>2>3, так и в варианте 2>1>3. При этом в обоих вариантах 3 л. занимает низшее место в иерархии, систем типа 3 > (1 ~ 2), как будто, нет. Тем самым, иерархия лица, как утверждал еще Э. Бенвенист, может быть обобщена как бинарное противопоставление «лицо (1 ~ 2) > не-лицо (3)».

¹⁴ Аналогичные факты отмечены для региональных вариантов сербохорватского языка и для некоторых древних славянских языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Браун 2008 — Браун В. Порядок клитик в войводянском русинском. *Шветлосц*, 2008, 3: 351–362. [Braun V. The order of clitics in Pannonian Rusyn. *Švetlosc*, 2008, 3: 351–362.]
- Гращенко 2016 — Гращенко П. В. Морфология — взгляд из синтаксиса. *Вопросы языкознания*, 2016, 6: 7–35. [Grashchenkov P. V. Morphology — a view from syntax. *Voprosy Jazykoznanija*, 2016, 6: 7–35.]
- Зализняк 1993 — Зализняк А. А. К изучению языка берестяных грамот. *Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1984–1989 гг.* Янин В. Л., Зализняк А. А. М.: Наука, 1993, 191–319. [Zaliznyak A. A. Towards the studies of the language of birchbark letters. *Novgorodskie gramoty na bereste. Iz raskopok 1984–1989 gg.* Yanin V. L., Zaliznyak A. A. Moscow: Nauka, 1993, 191–319.]
- Зализняк 2008 — Зализняк А. А. *Древнерусские энклитики*. М.: Языки славянских культур, 2008. [Zaliznyak A. A. *Drevnerusskie enklitiki* [Old Russian enclitics]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008.]
- Зализняк, Падучева 2013 — Зализняк А. А., Падучева Е. В. Об инициальном отрицании в древнерусском и старославянском. *Русское отрицательное предложение*. Падучева Е. В. М.: Языки славянских культур, 2013, 290–303. [Zaliznyak A. A., Paducheva E. V. On the initial negation in Old Russian and Old Slavonic. *Russkoe otritsatel'noe predlozhenie*. Paducheva E. V. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2013, 290–303.]
- Иванова 2016 — Иванова Е. Ю. Болгарские клитики. *Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов*. Циммерлинг А. В., Лютикова Е. А. (ред.). М.: Издательский дом «ЯСК», 2016, 292–324. [Ivanova E. Yu. Bulgarian clitics. *Arkhitektura klauzy v parametricheskikh modelyakh: sintaksis, informatsionnaya struktura, porjadok slov*. Zimmerling A. V., Lyutikova E. A. (eds.). Moscow: YaSK Publishing House, 2016, 292–324.]
- Иванова, Градинарова 2015 — Иванова Е. Ю., Градинарова А. А. *Синтаксическая система болгарского языка на фоне русского*. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Ivanova E. Yu., Gradinarova A. A. *Sintaksicheskaya sistema bolgarskogo yazyka na fone russkogo* [The syntactic system of Bulgarian vs. Russian]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2015.]
- Кисилиер 2011 — Кисилиер М. Л. Местомимные клитики в «Луге духовном» Иоанна Мосха. СПб.: Нестор-История, 2011. [Kisilier M. L. Mestomimnyye klitiki v «Luge duhovnom» Ioanna Mosha [Pronominal clitics in John Moschus' *Spiritual Meadow*]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2011.]
- Ковтунова 1976 — Ковтунова И. И. *Русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения*. М.: Наука, 1976. [Kovtunova I. I. *Russkii yazyk. Poryadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniya* [The Russian language. Word order and information structure]. Moscow: Nauka, 1976.]
- Лютикова 2018 — Лютикова Е. А. *Структура именной группы в безартиклевым языке*. М.: Издательский дом «ЯСК», 2018. [Lyutikova E. A. *Struktura imennoi gruppy v bezartiklevom yazyke* [Noun phrase structure in an article-less language]. Moscow: YaSK Publishing House, 2018.]
- Толстая 2012 — Толстая М. Н. Карпатоукраинские энклитики в южнославянской перспективе. *Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. 2009–2011*. Вып. 2. М.: ИСЛ РАН, 2012, 190–211. [Tolstaya M. N. Carpathian Ukrainian enclitics in South Slavic perspective. *Karpato-balkanskii dialektnyi landshaft: Yazyk i kul'tura. 2009–2011*. No. 2. Moscow: Institute for Slavic Studies, 2012, 190–211.]
- Циммерлинг 2012 — Циммерлинг А. В. Системы порядка слов с клитиками в типологическом аспекте. *Вопросы языкознания*, 2012, 4: 3–38. [Zimmerling A. V. Systems of word-order patterns with clitics in the languages of the world. *Voprosy Jazykoznanija*, 2012, 4: 3–38.]
- Циммерлинг 2013 — Циммерлинг А. В. *Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте*. М.: Языки славянской культуры, 2013. [Zimmerling A. V. *Sistemy porjadka slov slavyanskikh yazykov v tipologicheskom aspekte* [Slavic word-order systems in a typological aspect]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2013.]
- Abney 1987 — Abney S. *The English noun phrase in its sentential aspect*. Ph.D. diss. Cambridge (MA): MIT, 1987.
- Ackema, Neeleman 2007 — Ackema P., Neeleman A. Morphology ≠ Syntax. *The Oxford handbook of linguistic interfaces*. Ramchand G., Weiss Ch. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2007, 325–352.
- Baker 2008 — Baker M. C. *The syntax of agreement and concord*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008.
- Barton, Progovac 2005 — Barton E., Progovac L. Nonsententials in Minimalism. *Ellipsis and nonsentential speech*. Elugardo N., Stainton R. J. (eds.). Dordrecht: Springer, 2005, 71–93.
- Bošković 2005 — Bošković Ž. On the locality of left branch extraction and the structure of NP. *Studia Linguistica*, 2005, 59(1): 1–45.

- Bošković, Nunes 2007 — Bošković Ž., Nunes J. The copy theory of movement: A view from PF. *The copy theory of movement*. Corver N., Nunes J. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2007, 13–74.
- Ćavar, Wilder 1999 — Ćavar D., Wilder C. Clitic third in Croatian. *Clitics in the languages of Europe*. Van Riemsdijk H. (ed.). (Eurotype, 20-5.) Berlin: Mouton, 1999, 429–467.
- Embick, Noyer 2007 — Embick D., Noyer R. Distributed Morphology and the syntax/morphology interface. *The Oxford handbook of linguistic interfaces*. Ramchand G., Weiss Ch. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2007, 289–324.
- Franks 1995 — Franks S. *Parameters of Slavic morphosyntax*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1995.
- Franks 2008 — Franks S. Clitic placement, prosody and the Bulgarian verbal complex. *Journal of Slavic Linguistics*, 2008, 16(1): 91–137.
- Franks (in progress) — Franks S. Microvariation in South Slavic noun phrase. Bloomington (IN): Slavica (in progress).
- Franks, King 2000 — Franks S., King T. H. *A handbook of Slavic clitics*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000.
- Halle, Marantz 1993 — Halle M., Marantz A. Distributed Morphology and the pieces of inflection. *The view from Building 20*. Hale K., Keyser S. J. (eds.). Cambridge (MA): MIT Press, 1993, 111–176.
- Harizanov 2014 — Harizanov B. Clitic doubling at the syntax – morphophonology interface. A-movement and morphological merger in Bulgarian. *Natural Language and Linguistic Theory*, 2014, 32(4): 1033–1088.
- Henry 1995 — Henry A. *Belfast English and Standard English: Dialect variation and parameter setting*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1995.
- Jacobson 2016 — Jacobson P. The short answer: Implications for Direct Compositionality (and vice versa). *Language*, 2016, 92(2): 1–10.
- Landau 2013 — Landau I. *Control in Generative Grammar: A research companion*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013.
- Lochbihler, Mathieu 2013 — Lochbihler B., Mathieu E. Wh-agreement in Odjibwe relative clauses: Evidence for CP structure. *Canadian Journal of Linguistics*, 2013, 58: 293–318.
- Longobardi 2001 — Longobardi G. The structure of DPs: Some principles, parameters and problems. *The handbook of contemporary syntactic theory*. Collins C. C., Baltin M. (eds.). Oxford: Blackwell, 2001, 562–601.
- Lyutikova 2017 — Lyutikova E. Agreement, case and licensing: Evidence from Tatar. *Uralo-Altaiskie Issledovaniya*, 2017, 25(2): 25–45.
- Mišeska Tomić 2004 — Mišeska Tomić O. The South Slavic pronominal clitics. *Journal of Slavic Linguistics*, 2004, 12(1-2): 213–248.
- Pereltsvaig 2006 — Pereltsvaig A. Small nominals. *Natural Language and Linguistic Theory*, 2006, 24(2): 433–500.
- Pereltsvaig 2007 — Pereltsvaig A. On the universality of DP: A view from Russian. *Studia Linguistica*, 2007, 61(1): 59–94.
- Pereltsvaig et al. 2018 — Pereltsvaig A., Lyutikova E., Gerasimova A. Case marking in Russian eventive nominalizations: Inherent vs. dependent case theory. *Russian Linguistics*, 2018, 42(2): 221–236.
- Ramchand, Weiss (eds.) 2007 — Ramchand G., Weiss Ch. (eds.). *The Oxford handbook of linguistic interfaces*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2007.
- Rizzi 1997 — Rizzi L. The fine structure of the left periphery. *Elements of grammar: Handbook in Generative Syntax*. Haegeman L. (ed.). Dordrecht: Kluwer, 1997, 501–507.
- Rouveret 1999 — Rouveret A. Clitics, subjects and tense in European. *Clitics in the languages of Europe*. Van Riemsdijk H. (ed.). (Eurotype, 20-5.) Berlin: Mouton, 1999, 639–678.
- Stabler 1997 — Stabler E. Derivational minimalism. *Logical aspects of computational linguistics*. Retoré Ch. (ed.). Berlin: Springer, 1997, 68–95.
- Stjepanović 1998 — Stjepanović S. On the placement of Serbo-Croatian clitics. *Linguistic Inquiry*, 1998, 29(3): 527–537.
- Zimmerling 2014 — Zimmerling A. Clitic templates and discourse marker TI in Old Czech. *New insights in Slavic linguistics*. Witkoš J., Jaworski S. (eds.). Frankfurt-am-Main: Peter Lang, 2014, 393–406.
- Zimmerling, Kosta 2013 — Zimmerling A., Kosta P. Slavic clitics. A typology. *Sprachtypologie und Universalienforschung*, 2013, 66(2): 178–214.